

I. СТАТЬИ

Г. Е. Лебедева, В. А. Якубский

Первый заведующий

(из прошлого кафедры истории Средних веков СПбГУ)

Предвоенная кафедра истории Средних веков исторического факультета Ленинградского университета ассоциируется прежде всего с именами И. М. Гревса и О. А. Добиаш-Рождественской, представлявших профессуру старой, дореволюционной закалки, и О. Л. Вайнштейна и М. А. Гуковского, принадлежавших к следующему, уже марксистского толка, поколению отечественных медиевистов. Говоря о кафедре тех лет, зачастую вспоминают и более молодых историков, которые тогда, в середине — второй половине 1930-х годов, формировались как исследователи — таких, как А. Д. Люблинская или И. В. Арский. Но нигде, насколько знаем, в подобном контексте не фигурирует Н. Н. Розенталь. Его фамилию медиевисты эпизодически называют в историографических очерках, но вне связи с кафедрой. А между тем Розенталь был как-никак ее первым заведующим. Впрочем, он заслуживает внимания не только по такой причине. Судьба этого бесспорно незаурядного ученого по-своему характерна для ранней советской медиевистики.

Николай Николаевич Розенталь (1892–?) поступил на историко-филологический факультет Петербургского университета в 1910 г. Его научным руководителем стал И. М. Гревс, который привил своему ученику интерес к истории духовной культуры, вдохновив на занятия переходной эпохой от античности к средневековью, и тот

заялся проблемой языческой реакции в годы правления Юлиана Отступника. Но потом пути их резко разошлись. Как деликатно выразится в своих воспоминаниях другой ученик Гревса — Н. П. Анциферов, «Н. Н. Розенталь не пошел по следам своего учителя».¹ Проще говоря, если И. М. Гревс не принял послеоктябрьских новаций ни в политике, ни в науке, то его былой питомец, увлекшись социологическими схемами в духе не то марксизма, не то вульгарного экономизма, довольно легко адаптировался к советским условиям.

Первая книга Розенталя «Юлиан Отступник (Трагедия религиозной личности)» (Пг., 1923) еще несла на себе печать так называемого идеалистического мировоззрения (см. рец.: Малеина А. И. Русская книга об Юлиане Отступнике // *Анналы*. Т. 3. 1923. С. 252–253). Она мало отличалась от появившихся почти одновременно с ней таких культурологических работ школы Гревса, как «Кастильоне — друг Рафаеля» А. И. Хоментовской (Пг., 1923) или «Абеляр» Г. П. Федотова (Пг., 1924). Но следовавшие за ней труды Н. Н. Розенталя «Западноевропейское Средневековье» (Л., 1925), «История Европы в эпоху торгового капитализма» (Л., 1927) и другие уже не отстают от принятых в 1920-х годах вульгарно-марксистских стандартов. По ним видно, что ученый успешно овладевал тогдашним лексиконом и манерой письма. Вместе с тем нельзя не отметить и эрудицию, профессионализм Розенталя. Не напрасно на его статью «Монархия и феодализм во Франции после смерти Ришелье (К вопросу об отмене политического завещания Людовика XIII)», опубликованную в «Ученых записках Института истории РАНИОН» (т. 6. М., 1928. С. 110–126), четыре десятилетия спустя обратит внимание А. Н. Чистозвонов.²

Первейшей обязанностью марксиста тогда, как известно, считалась непримиримая борьба с любыми иными идейными течениями и их носителями. Полемика, где в ходу была хлесткая, пусть и малосодержательная, фразеология, а изречения Маркса, Энгельса, Ленина служили высшим аргументом, легко соскальзывала в плоскость сиюминутной политики, сплошь и рядом обретая форму пря-

¹ *Анциферов Н. П.* Из дум о былом: Воспоминания. М., 1992. С. 178.

² *Чистозвонов А. Н.* Некоторые аспекты проблемы генезиса абсолютизма // *Вопросы истории*. 1968. № 6. С. 46–47.

мого политического доноса. Этим искусством Розенталь тоже овладевал, но все же не всегда в должной, с точки зрения более бойких его коллег, мере. Он избличал «врагов марксизма» из числа соотечественников, однако, по наблюдениям А. И. Добкина³, предпочитал объектом своей критики выбирать людей либо мертвых, либо уже арестованных. Против И. М. Гревса, который, подобно многим другим нашим историкам старшего поколения, подвергался грубым нападкам, его ученик не выступил ни разу, как, впрочем, и не поднял голоса в защиту старика. Сознвая, что не проявляет нужного рвения, он оправдывался: «Если в отношении к нашим классовым врагам у меня нет надлежащей большевистской ненависти, то это объясняется отнюдь не моими принципиальными колебаниями, но лишь пережитками буржуазно-интеллигентской психологии [. . .], в условиях конкретно-практической деятельности мне легче любить, чем ненавидеть».⁴

Среди историков-марксистов шла неустанная грызня. На научную почву переносились приемы фракционной борьбы, не утихавшей в партии. Выискивая в своих рядах скрытых меньшевиков, левых и правых уклонистов и прочих отступников от марксизма-ленинизма, ортодоксы громили их с еще большим азартом, чем так называемых буржуазных ученых. В зависимости от зигзагов партийной политики иной раз менялись роли: вчерашний гонитель оказывался гонимым, и наоборот. Н. Н. Розенталь на себе тоже испытал превратности судьбы. В 1930 г. в журнале «Историк-марксист» появилась статья М. Волина, где избличались ошибки увидевшей свет за три года до того его книги «История Европы в эпоху торгового капитализма». Автору ставились в вину великодержавный шовинизм (в 1968 г., рассказывая об этом эпизоде, О. Л. Вайнштейн прокомментирует: «без всяких оснований»), непонимание колониального характера внешней политики царской России (по Вайнштейну: «с известными основаниями»)⁵ Заодно был вынесен безапелляционный приговор: «В лице Розенталя мы имеем один из ярких образчиков псевдомарксизма, в его книге — попытку под марк-

³Добкин А. И. Примечания // Анциферов Н. П. Указ. соч. С. 430.

⁴Цит по: Там же. С. 430.

⁵Вайнштейн О. Л. История советской медиевистики: 1917–1966. Л., 1968. С. 64.

систской фразеологией скрыть свою буржуазную, далекую от марксизма и ему враждебную сущность»⁶. В ту пору печатная аттестация такого рода не звучала еще столь убийственно, как оно будет года через четыре, и Розенталь тогда перенес удар без особого для себя урона. От своих ранних работ он самокритично отрекся и как ни в чем не бывало продолжал участвовать в обличительных кампаниях, нападая, в частности, на Е. В. Тарле. Его самого тоже не забывали в ходе взаимных изобличений. Так, в резолюции «О положении и задачах на фронте исторической науки», принятой 5 февраля 1931 г. на объединенном заседании ячейки ВКП(б) Института Истории ЛОКА⁷ и Фракции Ленинградского общества историков-марксистов, он фигурировал среди «попутчиков», чьи «антимарксистские концепции», по мнению собравшихся, разоблачались все еще недостаточно. В другом месте того же, насыщенного инвективами, документа, там, где перечислялись различного рода преступления и их носители (например, «псевдомарксисты, прикрывающие марксистской фразеологией буржуазные концепции», одним из каковых оказался будущий академик С. Д. Сказкин), Розенталь отведено было место в малопонятной категории «протаскивающих идеологические концепции».⁸

Н. Н. Розенталь не остался в стороне от разворачивавшихся в начале 30-х годов острых дискуссий по проблемам феодализма. Опубликовал статью «К вопросу о развитии форм эксплуатации в западноевропейском обществе в период возникновения феодализма» (Проблемы истории материальной культуры. 1933. № 9-10). На пленуме ГАИМК (Государственной академии истории материальной культуры), собравшемся летом 1933 г. и посвященном основным проблемам генезиса и развития феодального общества, выступил по вопросу об основном противоречии феодальной формации. Где-то на грани проблемности и разоблачительности (с перевесом в сторону последней) была написана его большая статья «Проблемы запад-

⁶ *Валин М.* Против великодержавных тенденций в истории // Историк — марксист. 1930. № 18-19. С. 201

⁷ ЛОКА — Ленинградское отделение Коммунистической академии.

⁸ *Кондратьева Т. Н.* «О положении и задачах на фронте исторической науки» в начале 1930-х годов // Европа: Международный альманах. Вып. 4. Тюмень, 2004. С. 206–207.

ноевропейской средневековой истории в освещении Доппа — Петрушевского» (Проблемы марксизма: Статьи и исследования. Т. 2. Л., 1930), в которой автор отдал дань долго не угасавшей в марксистских кругах оголтелой критике в адрес «Очерков из экономической истории средневековой Европы» Д. М. Петрушевского.

Розенталь печатался много и на разные темы. К примеру, когда будет реабилитировано преподавание гражданской истории в школе, он в помощь учителям напишет инструктивные статьи «Образование варварских государств» (История в средней школе. 1934. № 2) и «К вопросу о классовой сущности готического искусства» (Там же. 1935. № 1). Из его работ первой половины 30-х годов наибольший интерес представляет статья «Маркс и буржуазная историческая наука о западноевропейском феодализме», приуроченная к торжественной дате — пятидесятилетию со дня смерти основоположника марксизма. О значении, какое придавали ей сам автор и руководство ГАИМК, где он работал, свидетельствует двукратная публикация: сначала статья увидела свет в 84-м выпуске «Известий ГАИМК» (Л., 1934), а затем была воспроизведена в толстом томе «Карл Маркс и проблемы истории докапиталистических формаций: Сборник к пятидесятилетию со дня смерти Карла Маркса» (М.; Л., 1934), которым Академия откликнулась, правда, с некоторой проволочкой, на юбилей (этот том являл собой 90-й выпуск все тех же «Известий ГАИМК»).

Статья демонстрирует хорошее знание Розенталем научной литературы — старой и новой, его умение работать с материалом. Но на современного нам читателя она может произвести впечатление стандартного коллажа из классических цитат и столь же стандартных поношений буржуазной науки эпохи империализма. Едва ли это было бы справедливо. В том, что автор не терпел Фюстель де Куланжа, а еще больше Доппа с Петрушевским и возводил на них немало напраслины, сомневаться не приходится. Хватало в статье и достаточно избитых трюизмов вместе с реверансами в сторону всепобеждающего учения. И все-таки дело вовсе не сводилось к повторению культивируемых у нас в ту пору пропагандистских поделок.

Убедиться в этом проще всего сопоставив произведение Розенталя с появившейся несколькими месяцами раньше и близкой по

тематике статьей А. И. Тюменева «Марксизм и буржуазная историческая наука», недавно (в 1932 г.) избранного академиком, известного специалиста по древней истории (в упомянутом 90-м выпуске «Известий ГАИМК» был напечатан и его очерк — «Разложение родового строя и революция VII–VI вв. в Греции»). На сей раз Тюменев выступил как авторитет в области историографии и методологии. Место, где была напечатана его статья, — книга «Памяти Карла Маркса: Сборник статей к пятидесятилетию со дня смерти — 1883–1933» ([Л.], 1933) — придавало ей дополнительный вес: книга готовилась под крылом самой Академии наук СССР, а не просто одного из академических учреждений, как «Известия ГАИМК», среди ее авторов преобладали весьма именитые ученые. Похоже, что в интересующей нас статье (к слову сказать, она одна из самых больших в сборнике — примерно 6 печатных листов) излагались не только личные соображения А. И. Тюменева. Скорее всего, соображения эти следовало воспринимать как официальную установку, каковой историкам надлежит руководствоваться.

Главная мысль академика состояла в том, что «упадок буржуазной исторической науки начался не со вчерашнего дня. Уже более столетия буржуазная общественно-историческая мысль движется не вперед, а назад»⁹. По поводу Ф. Гизо, Ф. Минье, О. Тьерри было сказано, что «обыкновенно их изображают как сторонников классовой теории и непосредственных предшественников Маркса». Сама конструкция фразы предполагает несогласие. И действительно, по Тюменеву, «не историки времени реставрации, вступившие на путь откровенной буржуазной реакции, являются непосредственными предшественниками Маркса, как принято думать, но сен-симонисты»¹⁰. Поскольку, как не уставал повторять академик, у Тьерри и его собратьев понятие классов постоянно сбивалось на понятие сословия и даже нации, а классовая борьба подменялась борьбой сословной и национальной, их труды «представляют шаг назад», отступление от «чисто классовой точки зрения» Сен-Симона, возврат к старой идее о борьбе расы побежденной против

⁹ Тюменев А. И. Марксизм и буржуазная историческая наука // Памяти Карла Маркса: Сборник статей к пятидесятилетию со дня смерти. [Л.], 1933. С. 429.

¹⁰ Там же. С. 442, 445.

завоевателей. От социального учения Сен-Симона и философии Гегеля буржуазная наука, по убеждению Тюменева, способна была идти только по пути реакции. Соответственно оценен позитивизм: он «перевел окончательно общественную мысль буржуазии с материалистических на идеалистические рельсы, лишив ее вместе с этим всякого научного значения». Дальнейшее движение рисуется в еще более мрачных тонах. А. Допш, М. Вебер, Р. Ю. Виппер, Д. М. Петрушевский и многие другие удостоены самых нелестных эпитетов. Короче, «мысль буржуазных историков за все это время шла не вперед, а назад»¹¹.

Высоко оценив заслуги А. И. Тюменева перед наукой, Э. Д. Фролов считал возможным противопоставить начетничеству и догматизму массы порожденных советским режимом усредненных историков-пропагандистов «ученую деятельность таких высокоинтеллектуальных людей, еще до революции увлекшихся марксизмом и позднее, в советское время, с умом и совестью прилагавших его к истории, как А. И. Тюменев».¹² Но, на наш взгляд, тюменевская статья 1933 г. заставляет несколько усомниться в точности такого разделения. Изложенная в ней по-своему целостная концепция — а Тюменев не был ни первым, ни последним глашатаем подобных идей — скорее убеждает в том, что послевоенная антикосмополитская кампания выросла не на пустом месте. Когда М. А. Алпатов, к примеру, заявлял по поводу высказываний М. В. Ломоносова о падении Рима, «что вся последующая буржуазная историография XIX и особенно XX в. не только не прибавила чего-либо принципиально нового к этой картине гибели Римской империи, но, как правило, шла назад»,¹³ он был не так уж оригинален. Конечно, Алпатов и его собратья — с подачи Отдела науки ЦК партии — существенно дополнили классовый подход откровенной ксенофобией. Конечно, после войны изменились масштабы и накал идейной борьбы. Но, как видно, база закладывалась задолго до того, и А. И. Тюменев здесь не отставал от «историков-пропагандистов».

¹¹ Там же. С. 446, 460.

¹² Фролов Э. Д. Русская наука об античности: Историографические очерки. СПб., 1999. С. 430.

¹³ Алпатов М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII — первая половина XIX в.). М., 1985. С. 69.

В сравнении со статьей академика статья Н. Н. Розенталя определенно выигрывает. Последний следовал за Марксом (которого усердно цитировал) и за Плехановым (которого даже не упоминал), т. е. признавал заслуги «французских историков эпохи Реставрации», именуя Огюстена Тьерри «отцом классово́й борьбы» и не объявляя сен-симонизм высшим достижением буржуазной исторической мысли. Вместе с тем Розенталь тоже полагал, что буржуазная наука уже растеряла свой творческий потенциал и способна лишь деградировать — что поделать, в советские времена этот тезис стал аксиомой. Розенталем в очередной раз был обруган Петрушевский, который якобы не понимает даже того, что было ясно еще Вольтеру. Им осуждена «чудовищная фальшь новейших реакционных историков [...], начиная с Фюстель де Куланжа».¹⁴ Бросаются в глаза его голословные выпады против буржуазных ученых, увенчанные выводом (автор, понятно, имел в виду только немарксистские школы): «... Все то, что писалось в последнее время о западноевропейском феодализме, ни в какой степени не выдерживает критерия научности. Нет надобности, конечно, останавливаться на новейших произведениях буржуазной историографии, которая в эпоху загнивания капитализма окончательно утратила способность “исторического разумения”».¹⁵ Но в итоге Розенталь по меньшей мере вдвое урезал период загнивания немарксистской науки, реабилитировав предшественников Фюстель де Куланжа.

В полемику с Тюменевым по поводу периодизации исторической мысли XIX в. Розенталь, разумеется, не вступал — иначе получилось бы, что он защищает даже не отдельных буржуазных авторов, а буржуазную историческую науку в целом от принципиальной критики со стороны советского академика. Зная порядки тех лет, такую ситуацию вообще трудно себе вообразить. Выход у Розенталя был один: не заикаясь о существовании столь радикальной концепции, излагать свою точку зрения, благо тут можно было опереться на недвусмысленные заявления самого Маркса (заявления, которые Тюменев приводил выборочно и истолковывал на свой лад).

¹⁴ *Розенталь Н. Н.* Маркс и буржуазная историческая наука // Карл Маркс и проблемы истории докапиталистических формаций. М.: Л., 1934. С. 662.

¹⁵ Там же.

Впрочем, здесь нельзя не отметить и другое: А. И. Тюменев также не выразил желания полемизировать и даже проявил терпимость к иномыслию. Ему, занимавшему высокое положение в ленинградской ученой иерархии, одному из руководителей ГАИМК, ничего не стоило просто не допустить публикацию статьи, идущей вразрез с его взглядами.

Когда в мае 1934 г. было предписано возродить преподавание гражданской истории и в Ленинградском университете стали создавать исторический факультет, Н. Н. Розенталя назначили заведующим кафедрой истории Средних веков. В пользу его кандидатуры говорила, очевидно, кипучая и созвучная духу времени деятельность ученого. У него был и опыт педагогической работы. О Розентале-лекторе лет через семьдесят вспомнит Г. Р. Левин, видный специалист по истории Английской революции, повествуя о своем поступлении в далеком 1933 г. на социально-экономическое отделение Педагогического института имени А. И. Герцена: «Запомнился мне и профессор Николай Николаевич Розенталь, который очень живо излагал нам краткую историю феодального общества».¹⁶ В лаконичные автобиографические записки Левина попали, заметим, имена лишь весьма немногих из встретившихся ему на жизненном пути людей.

При назначении Розенталя, судя по всему, немалую роль сыграло покровительство Г. С. Зайделя. Сейчас эта фамилия мало кому что-то говорит, но в начале 1930-х годов особых пояснений не требовалось. Зайделя знали как одного из самых ретивых разоблачителей «классового врага на историческом фронте». Делая на этом карьере, он — к тому времени директор Института истории Ленинградского отделения Коммунистической академии — в мае 1934 г. стал первым деканом исторического факультета ЛГУ, одновременно возглавив на истфаке кафедру истории нового времени. Розенталь же, как говорилось выше, также участвовал — пусть не с такой железной хваткой — в кампаниях против Д. М. Петрушевского, Е. В. Тарле и других, и декан, очевидно, поддержал соратника, хотя ранее достаточно сурово его критиковал (Зайдель, в частности, руководил тем объединенным заседанием ревнителей чистоты марк-

¹⁶ *Левин Г. Р.* Страницы жизни. Ростов н/Д., 2003. С. 8.

сизма, чья резолюция с выпадами в адрес Розенталя цитировалась выше).

Однако всего через полгода ученая карьера Г. С. Зайделя оборвалась, когда после убийства Кирова Ленинград накрыла волна политических репрессий. В январе 1935 г. он лишился своих постов, был исключен из партии. После месячного ареста его выслали в Саратов. Там весной 1936 г. «враг народа» был вновь арестован и год спустя расстрелян.¹⁷ Близость к Зайделю не прошла для Н. Н. Розенталя даром. Приказ № 153 по истфаку от 26 апреля 1935 г. предписывал задним числом Розенталя «исключить с 4/IV из списков факультета».¹⁸ Как понимать такую формулу из его личного дела, хранящегося в университетском архиве? В перестроечные годы Розенталь назывался в числе репрессированных в середине 30-х годов сотрудников Ленинградского университета.¹⁹ В пользу версии говорит отсутствие этого имени в изданной в 1940 г. «Историографии средних веков» О. Л. Вайнштейна, где о ленинградской медиевистике рассказывалось достаточно подробно. Но как бы то ни было — избежал каким-то образом Розенталь ареста или был освобожден, но в июле 1940 г. в ЛГУ поступил запрос из Курского педагогического института, и туда были отправлены материалы из личного дела профессора (потому в университетском архиве его личное дело содержит всего несколько листов). До начала войны историк успел опубликовать в Курске статью о готах в Италии.²⁰

Больше судьбы истфака ЛГУ и Розенталя не пересекались. В 1943 г., будучи в эвакуации в Туркмении и вспомнив проблематику, какой занимался в молодости, он защитит докторскую диссертацию «Социальные основы языческой реакции императора Юстиниана».²¹ После войны выступит со статьями на тему о мировоззре-

¹⁷ *Брачев В. С.* Первый декан истфака ЛГУ Григорий Соломонович Зайдель (1893–1937) // Мавродинские чтения: 2004. СПб., 2004. С. 96–98.

¹⁸ Архив СПбГУ. Ф. 1. Д. 86. Л. 3.

¹⁹ *Брачев В.* На «белых пятнах» // Ленинградский университет. 1988. 8 марта.

²⁰ *Розенталь Н. Н.* Гражданская война в Италии V–VI вв. («Варварские» государства Одоакра и вестготов) // Ученые записки Курского педагогического института. Вып. 1. Курск, 1941.

²¹ Автореферат диссертации будет опубликован после войны. См.: Известия АН СССР. Секция истории и философии. 1945. Т. 2. № 5.

нии поздней античности,²² о происхождении и сущности христианства²³, издаст научно-популярную брошюру о Жанне д'Арк²⁴. . .

Вернемся, однако, к делам кафедры истории Средних веков ЛГУ середины 30-х годов. После Розенталя временно исполняющим обязанности ее заведующего назначили профессора Александра Евгеньевича Кудрявцева, специалиста по истории Англии и Испании, больше связанного с Институтом имени А. И. Герцена, чем с университетом. А с осени 1935 г. на это место пришел перебравшийся из Одессы в Ленинград Осип Львович Вайнштейн. Его длившееся полтора десятилетия правление наложило сильный отпечаток на облик кафедры, на ее традиции. Все привыкли смотреть на профессора Вайнштейна как на основоположника кафедры, тогда как недолгое пребывание на ней Н. Н. Розенталя, казалось бы, прошло бесследно. Но так ли это?

О. Л. Вайнштейну ставят в заслугу, что он, марксист-ортодокс, привлекал к преподаванию ученых старой, немарксистской выучки и умел находить с ними общий язык. Это бесспорно так. Только не годится упускать из виду, что, придя на кафедру, Вайнштейн уже застал там И. М. Гревса, О. А. Добиаш-Рожественскую, В. Н. Бенешевича. Еще 9 июня 1934 г. Добиаш-Рожественская, сообщая в письме Д. М. Петрушевскому о новостях («Их немало. Они хорошие»), начала их перечисление с того, что: «1. Ив. Мих-ч [И. М. Гревс. — *Г. Л., В. Я.*]/ получил предложение вести в будущем году “сверхсеминарий” по Дино Кампаньи в Университете аспирантам — в самой милейшей форме [...]: “Мы Вас знаем. Будьте тем, что Вы есть”. И. М. согласился и, по-моему, глубоко доволен [...]. 2. Я получила предложение вести для тех же аспирантов курс по палеографии с практическими занятиями и семинар по истории».²⁵

²² *Розенталя Н. Н.* 1) Социально-политические воззрения языческой интеллигенции поздней Римской империи // Труды Одесского ун-та. Вып. 49. Одесса, 1949; 2) Религиозно-политическая идеология Зосима // Древний мир: Сб. М., 1962.

²³ *Розенталя Н. Н.* Христианство, его происхождение и сущность. М., 1955. (2-е изд. — М., 1960.)

²⁴ *Розенталя Н. Н.* Жанна д'Арк: Народная героиня Франции. М., 1958.

²⁵ *Добиаш-Рожественская О. А.* Культура западноевропейского средневековья: Научное наследие. М., 1987. С. 258.

Как у первого заведующего кафедрой складывались отношения с его старым учителем и другими, как тогда выражались, старорежимными профессорами? Как те ощущали себя, вновь очутившись в университетских стенах? Сведений об этом у нас мало. Должно быть, не напрасно, говоря о себе и о Гревсе, О. А. Добиаш-Рожественская в письме к нему примерно за месяц до начала занятий, в конце июня 1934 г., размышляла о том, что «не все, конечно, и тут безоблачно [...] Встают и тревожат разные “но”». ²⁶

И. М. Гревса, зачисленного с первого сентября 1934 г. профессором всеобщей истории на истфаке ЛГУ и одновременно привлеченного к работе с аспирантами в ЛИФЛИ, где он также работал под началом Н. Н. Розенталя, и радовало возвращение к любимой работе, и многое тревожило. «Не без волнения приступаю после 11-летнего перерыва; не знаю, как удастся вновь войти в работу, которая прежде наполняла жизнь. [...] Жалею, что столько лет пропало даром!», — писал он Н. П. Анцифорову 3 сентября 1934 г. Два месяца спустя в письме к тому же своему давнему ученику он вернется к этой больной теме: «Настроение только перебивается досадным чувством, что столько лет у меня прошло, как я был оторван от научного и профессионального дела». Жаловался на низкий уровень подготовки аспирантов и студентов. По этой причине у него были некоторые претензии к Розенталю — тот «навязал мне семинарий по Дино Кампаньи, который осуществить невозможно». Относительно самого Розенталя Гревс выразился неопределенно: «С Н. Н. Розенталем отношения наружно дружественные, что внутренне — не разберешь». Все-таки письмо заканчивалось на более или менее оптимистической ноте: «Вообще во всех учебных заведениях ко мне и к Ольге Антоновне (Добиаш-Рожественской) выражают внимание и почтение» ²⁷.

Во всяком случае, как видим, между Н. Н. Розенталем, на долю которого выпал изначальный подбор преподавательского коллектива, и О. Л. Вайнштейном в вопросе так называемой кадровой политики имела место прямая преемственность.

²⁶ *Вахромеева О. Б.* Человек с открытым сердцем: Автобиографическое и эпистолярное наследие Ивана Михайловича Гревса (1860–1941). СПб., 2004. С. 331.

²⁷ Там же. С. 331–332